

— Брат, почему ты убежал? Почему не спас меня! — Человек с лицом, полным ненависти, истекал кровью. Он протянул бледные руки и, припадая на иссохшие ноги, бросился к стоявшему перед ним человеку.

— А-а!

Е Цинмин в ужасе проснулся, сердце колотилось, словно барабан. Дрожащими руками он стер холодный пот с лица, но чувство глубокого отчаяния всё ещё не отпускало его.

Немного придя в себя, он встал и раздвинул шторы — за окном сияло яркое солнце.

В ванной Е Цинмин посмотрел на своё отражение в зеркале, и перед глазами снова возникла сцена из сна. Кто был этот мальчик? Почему он постоянно снится, хотя в реальности такого человека нет?

Е Цинмин раздражённо взлохматил волосы, пытаясь отогнать мысли.

Спустившись вниз, он увидел, что тетя Чжан уже приготовила завтрак. Поев на ходу, он сразу вышел из дома.

По дороге в школу Е Цинмин снова задумался о странном сне. Знал ли его тот мальчик? И почему назвал братом?

Вопросы не давали покоя, но не успел он додуматься хоть до чего-то, как впереди послышался шум.

— Да у него явно что-то с головой!

— Вряд ли выживет. А если и выживет, то станет обузой.

— ...

Е Цинмин посмотрел туда, куда были устремлены взгляды толпы, и смутно разглядел в воде нескольких мужчин.

Расспросив прохожих, он узнал, что кто-то прыгнул в реку, а те мужчины пытались его спасти. Говорили, что утопленник — ученик из местной школы: семья разорилась, отец не выдержал и выбросился из окна, а мать сошла с ума несколько дней назад. Вот он и решился на отчаянный шаг.

— Вытащили! Вытащили!

Мальчик лежал на земле, не подавая признаков жизни. По неизвестной причине Е Цинмин показался он пугающе знакомым. Вид безжизненного тела вызвал у него необъяснимое раздражение.

Протиснувшись сквозь толпу, он опустился на колени и принялся делать сердечно-лёгочную реанимацию. Когда-то на сборах он видел, как это делается, и решил попробовать — всё равно терять было нечего.

— Непрямой массаж сердца...

— Очистить дыхательные пути...

— Обеспечить проходимость дыхательных путей...

— Искусственное дыхание...

Е Цинмин повторял шаги про себя, пока наконец не раздалось: кхе-кхе-кхе! Мальчик судорожно закашлялся и медленно пришёл в себя.

Е Цинмин сидел на коленях рядом с ним и теперь мог хорошенько его рассмотреть.

Из-за того, что парень наглотался воды, лицо его было бледным и выражало обиду. Длинные загнутые ресницы, полуприкрытые глаза, а особенно маленькая родинка в уголке глаза делали его настолько жалким, что невольно хотелось проявить сострадание.

Пока Е Цинмин думал об этом, он почувствовал, как его рука сжалась. Опустив взгляд, он увидел, что парень уже очнулся и крепко держит его за руку.

— Брат!

Голос прозвучал хрипло от недавнего кашля, но всё равно чувствовались его природные сладкие нотки.

Е Цинмина пробрала дрожь. Ему не нравился такой тон. Он вырвал руку и собрался уходить.

Его снова схватили: — Брат, мне некуда идти. Ты можешь приютить меня? — При этом парень сделал вид, будто его только что бросили на произвол судьбы.

Если бы Е Цинмин точно не знал, что видит этого человека впервые, он бы точно купился на такую искусную игру. К чему эти таланты, если не пойти в актёры? Зачем пытаться обмануть его — обычного небогатого студента без особых связей?

Е Цинмин разжал пальцы парня, убеждая себя не поддаваться жалости. Но жгучий взгляд,

казалось, был способен расплавить его, и он снова посмотрел на незнакомца.

— Ладно, можешь идти со мной. Но... — Е Цинмин переменял тон, — больше никаких попыток самоубийства. Будешь слушаться меня во всём. Если узнаю, что нарушил слово — верну тебя обратно сюда. Понял?

— Угу, угу! — Парень энергично закивал.

Видя его покорность, Е Цинмин почувствовал удовлетворение. Он помог парню подняться и с досадой обнаружил, что оказался ниже его ростом. Мужское самолюбие было задето: он выпрямился, пытаясь казаться выше, но тщетно.

Подавленный Е Цинмин велел парню сесть на багажник велосипеда, чтобы отвезти его в больницу. Хотя внешне тот выглядел нормально, мало ли что — вдруг наглотался воды и мозги пострадали? Лучше перестраховаться.

В больнице, слушая ворчание врача о том, что пациенту нужен покой, а если ситуация повторится — прямая дорога к психиатру, Е Цинмин чувствовал лишь нарастающее раздражение.

Какой еще психиатр? Разве человек не в порядке? Пусть он и прыгнул в реку, но раз Е Цинмин его спас, значит, теперь он принадлежит ему, да и парень пообещал больше не искать смерти.

— Жун Янь, сам скажи, ты ведь больше не будешь пытаться покончить с собой? — Е Цинмин прищурился, в его голосе проскользнула угроза, будто он был готов бросить Жун Яня в любой момент, если тот ответит неверно.

— Не буду, брат, — Жун Янь замахал руками. — Я обязательно буду тебя слушаться, — он виновато и заискивающе улыбнулся.

Е Цинмин остался доволен его поведением. Взяв его за руку, он спросил: — Пошли, отвезу тебя в школу. В какой ты учишься?

Жун Янь посмотрел на их сцепленные руки, глаза его на миг потемнели, но он тут же ответил как ни в чём не бывало: — А в какой учишься ты? Может, мы в одной?

Е Цинмин странно на него посмотрел: — Я в спортивной академии. С твоим телосложением, сомневаюсь.

— Почему же нет? — Жун Янь вдруг подался вперёд и прошептал прямо в ухо Е Цинмину: — Брат, ты мне не веришь?

Горячее дыхание на ухе вызвало странный зуд — необычное, но не неприятное ощущение. Е Цинмин отодвинулся: — Говори нормально.

Жун Янь выпрямился: — Брат, я правда из спортивной академии. Только я по обмену.

Е Цинмин не стал расспрашивать дальше: — Тогда поедem вместе. Как раз попросишь отчисление из общежития и будешь жить со мной.

— Правда? — Глаза Жун Яня на мгновение вспыхнули, но тут же потухли: — Я не буду тебя стеснять? Мне и в школе неплохо живётся.

Видя его осторожность, Е Цинмин вспыхнул: — Сказал, будешь жить со мной — значит, будешь! Я всё равно один живу, а так хоть кто-то прислуживать будет.

Жун Янь замер, тревожно теребя пальцы, и тихо проговорил: — Я просто боюсь доставить тебе неприятности. После того как наша фирма обанкротилась, все родственники начали сторониться нас, боясь проблем. Боюсь, что и ты побрезгуешь мной...

Слушая эти обиженные слова, Е Цинмин понял, что парень стал таким чувствительным из-за семейной трагедии. Он почувствовал, что сказал лишнее, но извиниться гордость не позволяла, поэтому он лишь смягчил голос: — Нет.

— Что?

— Не побрезгую тобой, — повторил Е Цинмин.

— Брат, ты что сказал?

— Я сказал, что не буду считать тебя обузой! Не побрезгую! — прокричал Е Цинмин, и вокруг вдруг стало очень тихо.

Жун Янь ошарашенно произнёс: — Угу, — и зашагал вперёд.

Брат всё такой же милый, как и прежде, — подумал он и не удержался от улыбки.

Е Цинмин быстро догнал его и, услышав смешок, решил, что парень счастлив из-за его доброго отношения. Значит, он совершил благое дело.

Эта мысль подняла ему настроение, и он, обняв Жун Яня за плечи, бодро зашагал вперёд.